

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

2020.01.001. **Филатов С.Б.**
**МУСУЛЬМАНСКОЕ СООБЩЕСТВО
ПЕТЕРБУРГА: ТРАДИЦИИ В КОНТЕКСТЕ
СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ** // *Экономические,
социально-политические, этноконфессиональные
проблемы афро-азиатских стран. Ежегодник 2019
(Выпуск 2) / Институт востоковедения РАН.*
М.: ИВ РАН, 2019. С. 155–166.

***Ключевые слова:** мусульманская община Петербурга; мечеть;
имам; салафиты; Северный Кавказ; Средняя Азия, мигранты.*

Филатов С.Б.,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института востоковедения РАН,
руководитель проекта «Энциклопедия религиозной жизни
современной России», Москва

Обращаясь к истории вопроса, автор статьи отмечает, что основную часть мусульманского населения Петербурга с самого основания города составляли татары, привлеченные к строительству города еще Петром I. Позже мусульманское население стало расти за счет рекрутского набора, и к XVIII в. большинство мусульман Петербурга были военнослужащими. Небольшую группу составляли купцы. Функции имамов выполняли татары, осведомленные в мусульманской религии. Во второй половине XIX в. гражданских мусульман стало больше, чем военных. Преимущественным занятием мусульманского населения Санкт-Петербурга была мелкая торговля и услужение.

С ростом мусульманской общины в городе встал вопрос о строительстве мечети, и в 1904 г., после встречи с Бухарским эмиром Сеидом Абдулом-Ахад-ханом, Николай II разрешил

мусульманам приобрести участок земли в столице для ее строительства. Мечеть оставалась действующей и после революции до лета 1940 г. В 1950-х годах в Ленинграде насчитывалось более 40 тыс. верующих мусульман, и их многочисленные обращения привели к открытию Соборной мечети для богослужений в 1956 г. Во второй половине 1980-х годов в Ленинграде существовала малочисленная (по сравнению с Москвой и другими крупными городами России) мусульманская диаспора с преимущественно татарским населением. Отмечался их высокий уровень образования. Приток мигрантов вливался в эту диаспору и адаптировался в ней к городской жизни, так как татары были в большей степени озабочены сохранением своей национальной, а не религиозной идентичности. К исламу они относились как к элементу национальной культуры.

В перестроечные и постперестроечные времена мусульманское сообщество города испытало бурные потрясения. Имам-хатыб Махмудов, известный еще в советское время, активизировал свою деятельность. Он возглавил общину «Аль-Фатх» и создал первое в городе медресе «Аль-Фатх». Махмудов сотрудничал с Духовным управлением мусульман Российской Федерации. С 2015 г. общину ДУМ РФ в Петербурге возглавляет Дамир Мухетдин, имам-мухтасиб Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Изменения произошли и в Соборной мечети Петербурга. В 1994 г. Джагофар Панчеев (с 1978 г. имам-хатыб Соборной мечети города) порвал с Центральным духовным управлением мусульман России и объявил себя муфтием и председателем централизованной религиозной организации «Духовное управление мусульман Санкт-Петербурга и Северо-Западного региона России» (ДУМ Петербурга). Панчеев при поддержке властей сумел построить вторую в городе мечеть на Московском проспекте. Большинство верующих, влекомых видом традиционной исторической мечети, идут к ДУМ Петербурга. В 2012 г. Джагофар Панчеев умер и новым муфтием стал Равиль Панчеев, его старший сын.

Альтернативный мухтасибат (административная единица Духовного управления мусульман) возглавили Дамир Мухетдин и его заместитель Дамир Хусаинов. Мухетдин живет в Москве и регулярно приезжает в Петербург на службу. Хусаинов живет в Петербурге и руководит общиной постоянно.

Имамы Петербурга после получения высшего духовного образования в России или за рубежом получают высшее светское образование в МГУ или СПбГУ и становятся дипломированными

востоковедами, руководство их обучением обычно берет на себя директор Эрмитажа М.Б. Пиотровский (программа «Специального углубленного изучения истории и культуры ислама»).

Среди духовенства и активистов мухтасибата принято герменевтическое отношение к священным текстам. Для правильного понимания высказываний Пророка требуется тщательное исследование условий, в которых высказывание Пророка возникло, кому и для чего оно было произнесено. Подобный подход приводит интеллектуалов из мухтасибата к отрицанию ксенофобской и жестокой интерпретации Корана, к замене ее более гуманным пониманием. Дамир Хусаинов уверен, что герменевтический подход лучше раскрывает суть ислама, он также отмечает светскость татарско-башкирской культуры в Петербурге. Имам для петербургских татар остается не духовным руководителем, а одним из хранителей татарских национальных традиций. Сейчас растет тяга татар к культуре и светскому высшему образованию, а к религиозному образованию – нет. Община в значительной степени растет за счет притока людей новых для уммы Петербурга национальностей – русских, выходцев с Кавказа, таджиков и узбеков. Так что «татарской» ее можно назвать только условно и в том смысле, что она продолжает татарские традиции и ею руководят татары.

С последователями Мухетдина связан Координационный совет мусульман Санкт-Петербурга и Ленинградской области, возглавляемый предпринимателем Шамилем Мугаттаровым, который защищает интересы мусульманских общин в судах и в кабинетах чиновников.

Автор отмечает, что в настоящее время в Петербурге существуют две официально признанные исламские организации – это мухтасибат Санкт-Петербурга и Ленинградской области, входящий в Совет муфтиев и возглавляемый Дамиром Мухетдином, и независимое Духовное управление мусульман Петербурга и Северо-Запада России, возглавляемое Равилем Панчевым. Обеими организациями руководят представители татарской общины. Организация Д. Мухетдина отличается большей интеллигентностью, солидарностью, склонностью к критическому отношению к вероучительной традиции. Организация Панчева привлекает намного больше верующих, так как ей принадлежит громадная и красивая историческая мечеть, а в отношениях с верующими доминирует формальный подход. Между руководством и активистами обеих организаций прочно утвердилась непримиримая вражда. Панчевцы обвиняют мухетдиновцев в экстремизме, ваххабизме, терроризме

и связи с криминалом. Мухетдиновцы обвиняют панчеевцев в аморальном поведении, воровстве, безразличии к судьбе уммы и связях с криминалом.

По-разному складываются отношения этих двух мусульманских организаций с властями. В период губернаторства Валентины Матвиенко власти относились к обоим движениям одинаково, при губернаторе Георгии Полтавченко власти больше ориентировались на Панчеевых. Новый губернатор Александр Беглов никак определенно политику по отношению к мусульманам не проявил.

Равиль Панчеев бережет свою независимость от других исламских центров и не считает возможным подчинение его муфтията какой-либо централизованной организации.

Мухетдин и Хусаинов считают себя прямыми последователями новометодников начала XX в., и вслед за ними они возвращаются к первоосновам ислама. Идеи новометодников (джадидов. – *Ред.*) начала XX в. сейчас продолжают приверженцы евроислама, который бурно развивается и имеет все больше последователей.

В последние 30 лет петербургское мусульманское сообщество столкнулось с таким явлением, как миграция, когда в мусульманскую общину города вливается много представителей других национальностей, которые меняют ее лицо. Достоверных данных о численности этнических групп, исповедующих ислам, не существует, но сами мусульманские лидеры говорят об 1–1,5 млн этнических мусульман, проживающих в Петербурге.

Исследуя этнический состав современной мусульманской общины Петербурга, автор отмечает, что первой новой этнической группой, заявившей о себе в петербургской умме, оказались не выходцы с Кавказа или Средней Азии, а русские. Их основной приток пришелся на годы перестройки и 1990-е годы. Большинство русских мусульман – интеллигенты-богоискатели. Некоторые из них влились в общину Мухетдина и являются наиболее активной частью верующих. Имамы говорят, что от общины русских мусульман можно ждать чего угодно, так как их постоянно куда-то заносит в их духовных поисках. Официально признанные имамы стремятся держаться от общины русских мусульман подальше. Они боятся, что русских обвинят в экстремизме, тогда достанется и тем, кто с ними сотрудничал.

Влиятельной группой среди других мусульманских этнических групп являются азербайджанцы. Однако в религиозной жизни уммы они незаметны. Азербайджанская община сплочена, но малорелигиозна. Несколько раз азербайджанцы предпринимали

попытки организовать официальную шиитскую общину со своим имамом и зданием мечети, но безуспешно из-за своей недостаточной активности.

Среди северокавказских народов раньше других полностью решили проблемы с созданием своей общины сравнительно малочисленные ингуши. Правительство Ингушетии позаботилось об урегулировании юридического статуса общины и регистрации ее в Совете муфтиев, а ингуши-предприниматели купили большое здание для богослужений и мероприятий на Васильевском острове. Автор отмечает парадоксальность ситуации, так как первая «татарская» община Совета муфтиев, возглавляемая Дамиром Мухетдиновым, сейчас арендует помещение у ингушей. Имам ингушской общины Магомед Ходзиев, председатель организации «Зикр», руководит мечетью с 2007 г. Он имеет духовное и два высших светских образования – экономическое и востоковедческое (учился в магистратуре у М.Б. Пиотровского). Ходзиев настроен непримиримо к салафитам.

Автор пишет, что сейчас в Петербурге только три этнические группы – татары, азербайджанцы-шииты и ингуши – полностью решили свои религиозно-этнические проблемы. Представители других народов Северного Кавказа и Средней Азии находятся в состоянии поиска решения своих религиозных проблем. Громадное большинство этих людей переселились в город недавно, заняты тяжелым физическим трудом, их быт не устроен, многие плохо знают русский и малообразованны.

По опросу, проведенному автором статьи, в Петербурге на постоянное жительство остаются 15–25% выходцев с Северного Кавказа и 10–20% из Средней Азии. Остальные, заработав определенную сумму денег, возвращаются на родину.

У большинства нет возможности выбирать мечеть, и они ходят в ближайшую. Если не в ближайшую, то в центральную, самую большую, красивую и старинную. В местах компактного проживания мигрантов периодически возникают небольшие мусульманские общины, руководят которыми выходцы из этой же рабочей среды, в том числе придерживающейся весьма радикальных взглядов. В СМИ периодически появляется информация о выявлении исламских экстремистов правоохранными органами. Консульства среднеазиатских государств, представительства северокавказских республик и землячества мигрантов стремятся отвести от себя все подозрения в связях с радикалами. Поэтому все землячества и представительства, кроме ингушского, признают только

муфтият Панчеева и с ним сотрудничают. Чтобы пресечь деятельность радикалов, было решено назначить представителей своих духовных управлений (в основном это светские люди) для тесного сотрудничества с землячествами. Наибольшую активность подобного рода проявляют дагестанцы, они же и добились наибольших успехов.

Дагестанский муфтият с 2006 г. имеет в Петербурге своего официального представителя Исагаджи Османова, который в свою очередь тесно сотрудничает с властями Республики Дагестан. Османов руководит исламской организацией дагестанцев «Исхан», которая существует при дагестанском культурном центре Петербурга и подчиняется муфтияту во главе с Панчеевым. Османов назначен помощником Панчеева. Члены «Исхана» собираются на молитву в Дагестанском культурном центре. С 2017 г. в этой неофициальной мечети служит имам Рамазан Дауд-Гаджиев (в Петербурге он – аварец – единственный имам из Дагестана, но есть еще дагестанцы-имамы в Выборге и Гатчине). Дауд-Гаджиев окончил Дагестанский исламский университет (ДИУ) им. шейха Мухаммада-Арифа в Махачкале и думает продолжить образование на факультете востоковедения в Петербургском университете у М.Б. Пиотровского. Османов и Дауд-Гаджиев отмечают наметившуюся тягу дагестанцев к высшему образованию и начало процесса появления дагестанской интеллигенции в Петербурге.

Самой крупной и активной исламской общиной из Средней Азии является таджикская община. Таджики более консервативны, чем татары или дагестанцы. Они ревностно относятся к внешнему виду верующих, считают своих имамов лучше образованными в богословских дисциплинах и более благочестивыми. В конце 2010-х годов таджикской общине было выделено помещение складов на Сенном рынке, которое было переоборудовано под мечеть. В ней служит имам-таджик по имени Абдурахим, получивший образование у себя на родине. Он официальный помощник Р. Панчеева.

Верующие мусульмане других среднеазиатских народов не имеют в городе своих постоянных имамов. Они включены в религиозную жизнь, организуемую представителями татар, ингушей, дагестанцев, таджиков.

В заключение автор приходит к выводу, что в Петербургской умме возникло сложное переплетение религиозных течений и национальных интересов. В Петербурге и других крупных городах России к татарско-башкирской мусульманской субкультуре

присоединяется в результате миграции не только субкультура северокавказская, но и среднеазиатская. На данный момент происходит формирование интегральной религиозной культуры.

Автор реферата Дмитриева Е.Л.

**2020.01.002. Койчуев А.А. -Д.
К ВОПРОСУ О ПРОФИЛАКТИКЕ
РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА
В КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ // Ислам
и исламоведение в современной России
(сборник докладов Всероссийского исламо-
ведческого форума 27–28 сентября 2019 г.).
Махачкала, 2019. С. 326–333.**

Ключевые слова: *экстремизм; современное состояние; тенденции; риски.*

Койчуев А.А. -Д.,
исследователь, Карачаево-Черкесский
государственный университет им. У.Д. Алиева

Автор статьи отмечает, что рост радикализма и сепаратизма в постсоветской России явился следствием ослабления институтов власти, а дестабилизация экономической и социально-политической ситуации в бывших советских республиках стала результатом деятельности зарубежных спецслужб, которые делали акцент на религиозный и этнический факторы, с целью объединить потенциал национал-сепаратизма и религиозного радикализма. В качестве примера автор приводит сложные общественно-политические процессы, начавшиеся в Северо-Кавказском регионе Российской Федерации, которые затем переросли в полномасштабную войну на территории Чеченской Республики. По мнению автора, истоки этой трагедии, а также всплеск религиозного экстремизма и национального сепаратизма берут начало в возрождении имперских устремлений некоторых государств дальнего зарубежья, исторически проявляющих интерес к Кавказу, например Великобритании и Германии.

В своей статье автор приводит результаты исследования, проведенного в 2017 г. сотрудниками научной лаборатории педагогических и этнокультурных исследований в сфере образования